

**Михаил Моргулис,
Флорида, США**

Я УБИЛ ЕЁ ПЕЧАЛЬНЫЕ ГЛАЗА

(рассказ)

Игорю Михайлову

Мы спешили, спешили, мы торопились, мы догоняли убежавшее время, хотя твёрдо знали, что догнать его невозможно. По крайней мере, в этой жизни. Но весь мир находится в погоне за ним, потому и мы рвались вперед. Наш «додж» с мотором в 225 лошадиных сил тихо ревел, и мы летели, обгоняя другие машины. Мы гнались за призраками, улетевшими из Чикаго во Флориду; это было перед Новым годом, сразу после Рождества (в Америке Рождество отмечается 25 декабря). Машин было много, все торопились - к семьям, друзьям, любовницам и любовникам. Но многие спешили лишь потому, что спешили другие. И мелькала неслышная никому, кроме тебя, прекрасная, дерзкая, но лживая мысль, что когда ты стремительно мчишься, то принимаешь участие в погоне за своим счастьем.

Итак, всё мелькало, и понятно было, что все люди вокруг нас участвуют в опасной, непредсказуемой гонке. Несколько раз мы видели соскользнувшие в кювет легковые машины, перевёрнутые искореженные грузовики. Эти картины на несколько минут сдерживали нас и других, но потом, вновь нарушая правила, все гнали вперед, неслись как звери в погоне за добычей.

В штате Индиана мы летели по двухрядной дороге, вокруг неё неподвижно и сурово стояли в карауле леса. Вдруг темнота стала стремительно покрывать дорогу мрачными средневековыми красками. Ночь вероломно атаковала день. Так бывает здесь в декабре и январе. И теперь скоростная трасса, по-местному хайвэй, освещалась только фарами машин. И, как всегда в такие минуты, особенно повеяло опасностью, стало одиноко и тревожно. В подобные мгновенья что-то предчувствуешь и чего-то одиноко ждёшь.

Она вышла, как из тумана, хотя тумана не было. Она появилась, как призрак, просто из ничего. Сознание щёлкнуло и зафиксировало её навсегда. Это была юная олениха-косуля, на тонких царственных ногах; повернув голову, она смотрела на нас до невозможности раскрытыми карими глазами. Я нажал на тормоза, но не до конца, так как мой инстинкт самосохранения уловил в зеркале заднего обзора настигающий меня грузовик, и от резкого торможения улетел бы в кювет или был бы раздавлен грузовиком. И всё же я попытался объехать её справа. Но судьбу не объедешь.

Я ударил её по тонким царственным ногам, по замшевому бежевому крупу. От удара она поднялась в воздух и перелетела через наш автомобиль. Я успел увидеть распластанную в воздухе плоть. Потом послышался глухой удар сзади, по багажнику.

– Остановись! – закричал мой 16-летний сын. Я автоматически исполнил команду и остановился на обочине. Мимо, почти касаясь нас, оглушительно гудя и сигналив, пронёсся грузовик. Мы выскочили из машины и подбежали к ней. Она лежала сбоку от дороги, головой к лесу. С жутким томлением духа и другим, непонятным мне тогда, чувством я приподнял её

голову, смотрел в глаза и говорил слова нежности и успокоения. И вдруг увидел, как две слезы выкатились из её глаз. Карие, страдающие глаза смотрели на меня изумлённо. А слёзы скатывались, как у скорбно сидящей у окна матери, потерявшей на войне сына. И тогда, как в молитве, я закричал, глядя в небо: «Господи, Господи, что это и за что это?! Это ведь смерть, Господи. Сколько людей и зверей умирают раньше времени, и это страшно, если знаешь, что в этом мире есть Бог любви... Господи, как всё странно и больно!.. Это мы, люди, исковеркали Твой мир и Твою тишину. Господи, прими слезу этой умирающей косули, как Ты принимаешь последние слёзы людей! Прости нас, Господи, если ещё можно нас прощать...»

Её глаза стали покрываться поволокой, она уходила с земли. Потом поволока закрыла глаза полностью – и она ушла.

Мы остановились в мотеле и никак не могли заснуть. А потом ко мне стали приходиться сны. Вначале я увидел, как 15 лет тому назад попал в аварию на пологом скоростном шоссе. В моей машине пробило колесо, я, виляя, вырулил на обочину, вздохнул облегчённо, не зная, что ко мне стремительно несётся смерть. Но тогда Бог пожалел меня, и я ощутил приближение к горлу занесенной косы. И закричал сидящим в машине: «Немедленно выходите и убирайтесь прочь от хайвэя!» Таким они меня никогда не видели. Последней шла дочь, таща на поводке нашу лохматую дворнягу. Дочь шла по режущей траве, родственной острой украинской осоке. Я видел на её ногах капельки крови от порезов. Она обернулась и укоризненно-васильково посмотрела на меня. Потом я стоял у открытого багажника, пытаюсь найти запасное колесо. Невдалеке копалась группа дорожных рабочих. Я позвал одного из них, парня лет двадцати, пообещал заплатить, если он поможет заменить колесо. Теперь мы с ним стояли у багажника рядом и пытались вытащить запаску. Внезапно чья-то мощная рука коснулась шеи и развернула меня. И я увидел несущуюся на нас серую громаду грузовика-фуры. Его колёса съехали за белую линию, и механическое чудовище мчалось на нас. Бог показывал мне смерть такой, какой в действительности она приходит к человеку. Приходит по-простому, и ты уходишь с ней по-простому. Я успел толкнуть в сторону стоящего возле меня парня, а через мгновение уже находился в эпицентре огненного круговорота. В нескольких сантиметрах от себя я рассмотрел огромные колёса и гигантский радиатор. Они врезались в задний бампер моей машины, и я увидел наш тяжёлый «кугуар» летящим по воздуху, словно в кино. Увидел, как монстр-грузовик становится на дыбы, «на попу», и летит в кювет. Потом завыла наша собака, подобно тому, как воют в деревнях собаки по покойнику. Она выла по мне. Семья посчитала меня убитым, и все находились в том начальном шоковом состоянии, после которого начинаются слёзы и причитания. Я подошёл к перевёрнутому грузовику. Водитель был мёртв. Ко мне бежал полицейский. Увидев его, я сообразил, что шоссе перекрыто. На проводах между столбами висели выпавшие из багажника летевшего «кугуара» рубашки, платья, футболки. Полицейский сказал:

– Iamsorry! Вы потеряли семью, сэр...

– Нет, – закричал я, – потерял кусок железа, тряпки и всё ненужное...

А семья наверху, вон там, на траве...

Его брови полезли вверх:

–По статистике, подобные случаи происходят четыре раза в году, и за последние 11 лет каждый раз погибали все пассажиры. Водители грузовиков недосыпают, сон застаёт их прямо в дороге, нога продолжает

давить на педаль, грузовик выходит на обочину и налетает на съехавший автомобиль.

Полицейский глянул на перевернутый «трак»:

– Парню было 32, из Нью-Джерси... Теперь всё... Вы тоже должны были умереть... Грузовик ударил машину в нескольких дюймах от вас...

Час назад мы были уверенными в себе людьми, ехавшими в комфортабельном авто, нагруженном отличными вещами, а теперь я держал в руках пластмассовый пакет для мусора, в котором было несколько пропахших машинным маслом рубашек и чудом уцелевшая Библия.

В полицейском участке я сказал строительному рабочему:

– Ты так вывернул мне шею, что чуть её не сломал ...

Он, ещё находясь в стрессовом состоянии, пробормотал:

– Я до вас не дотрагивался...

Десять дней на моей шее были коричневые отпечатки длинных пальцев, которые развернули меня лицом к приближающей смерти. Когда я отталкивал парня, то, наверное, сдвинулся на несколько спасительных дюймов. На десятое утро отпечатки исчезли. Итак, мне напомнили, что смерть всегда рядом. Мы, даже не замечая, часто касаемся друг друга. Но в некоторых случаях кто-то оберегает и спасает нас по своему, никому неизвестному принципу.

Всё вышеописанное повторилось во сне, на мгновение я пробудился, застонал, а потом снова провалился в другой сон, в который вошли олени. Их было много – впереди самые сильные и величественные. Они наклоняли могучие шеи, касались мягкими губами убитой нами молодой оленихи, и рогами пытались нежно поднять её на ноги. Но она безвольно соскальзывала вниз, на асфальт, вначале тёплый от её тела, а теперь холодный. Во сне олени стали уменьшаться вместе со своей убитой подругой, будто кто-то навёл на них бинокль обратной, уменьшающей стороной. А потом я проснулся и подумал, что эти два сна неспроста пришли вместе.

За долгие годы я проехал сотни дорог Америки и всегда боялся, что собью оленя. Другие сбивали, и время от времени я видел лежащие на обочинах бежевые замершие тела. Однажды оленя сбили наши друзья. После удара лобовое стекло их машины покрылось молочной паутиной трещин. Ничего не различая, они отчаянно тормозили, но всё же ударились в придорожное дерево, хотя и несильно. В тот раз им повезло.

Теперь и я стал убийцей оленей. Мне вспомнился прекрасный фильм «Охотники на оленей», и я сказал об этом сыну. В том фильме ребята из русских семей Америки убивали оленей на охоте. Потом их призвали в армию, и они прошли мясорубку Вьетнама. Некоторые остались лежать в джунглях навсегда. Вернувшись с войны, один из них снова идёт с друзьями на охоту. Перед ним стоит молодая олениха, такая же, как та, которую недавно сбил я. Он прицеливается, а она поворачивает грациозную голову и смотрит на него блестящими карими глазами. И он внезапно понимает, что, стреляя в неё, он выстрелит в жизнь и в своих убитых друзей. Мой сын знал этот фильм, и мы помолчали, потому что в такие минуты говорить не стоит. Он отвернулся. Ему было всего 16, и ещё недавно красочный и цветастый мир у него на глазах превратился в несправедливый, жестокий и лицемерный, убивающий людей и оленей. Сейчас его согнутая фигурка отразила боль. Он уже знал: мир – это люди. Мир жесток, потому что жестоки люди. Мир убивает, потому что убивают люди. Я приобнял его и тоже отвернулся. Мне послышалось, что в кронах деревьев раздался смех.

Пришло утро, которое приходит, если мы остаёмся живыми. Изумлённые глаза оленихи ещё стояли перед нами, но мы сели в машину и помчались туда, где нас, возможно, ждали. Сидя в машине, я увидел вчерашнюю ночь, свои сны и вновь подумал по-язычески: «Ох, неспроста это всё, ох, неспроста... Вот пришёл и мой черёд убить оленя, увидеть возникшую боль, появившуюся смерть и исчезнувшую жизнь. И кто-то последует вслед за оленем, может быть, я...»

– Как ты думаешь, это был сигнал оттуда?– спросил я сына.

Он молчал несколько минут.

– Да, сигнал, но откуда, не знаю...

И мы поехали дальше, с печалью в душах, потому что убитый олень продолжал жить в нас.

Мальчик надел круглую кенку с длинным козырьком, какие любят тинэйджеры. Он смотрел только вперёд, в карих глазах всплывали и тонули далёкие мысли, и мохнатые брови поднимались в изумлении. И я очень сильно сдавил баранку, когда, наконец, понял, кого они напоминают. И вы тоже поняли. Да, глаза убитого оленя... Мальчик-мальчик, которому я посвящал свои рассказы, что с того, что я сумел заглянуть в тебя и увидеть твои мысли, мечты и слёзы, притаившиеся на отмели твоей речки-жизни... Я не хочу их разглядывать – они твои. Ты никогда не рассказывал и не расскажешь мне о своём. И, наверное, никому не расскажешь. Только маленьким ты был понятен мне, да и то не всегда. Когда ты родился, у тебя была длинная тоненькая шея, и я чуть с ума не сошёл от жалости к тебе. Да, правду говорят, что выдавленную из тюбика пасту обратно не затолкнёшь, а с тоской иначе: она легко выдавливается из души, а потом так же легко туда возвращается.

Мы неслись дальше и уже не знали, то ли мы кого-то настигаем, то ли кто-то настигает нас. С нами мчались воспоминания об оленях, струящиеся глаза мальчика, томление духа, и иногда казалось, что мы спасаемся от бесшумно бегущей за нами смерти.

Но вот, наконец! С пригорка мы съехали к небольшой флоридской гостинице, у дверей которой красовалась расфуфыренная ёлка с томными фонариками. Мы договорились с друзьями встретить Новый год здесь. Некоторые из них уже прибыли. Сюда съехались и другие, незнакомые группы людей. Все были невероятно оживлены. В состоянии того высокого уровня оживления, которое охватывает человека перед каждым Новым годом.

Флоридская зима была теплой. Цвели в экзотической прелести туземно-царственные пальмы, яркие цветы, и пели птахи. Время от времени раздавались взволнованные голоса: «Господа, напоминаем вам, что мы находимся в субтропиках!»

Вокруг толпились, стараясь привлечь внимание, различные гостинички и мотельчики. Ёлки во Флориде казались неестественными, но старательно выставлялись возле каждого заведения. Привозные и дорогие, они стояли на защите чести и традиций христианской страны. Ну и, конечно, это бизнес-приманка для нерешительных туристов.

И посыпались приветствия. Наши друзья хлопали по плечам нас, мы в ответ хлопали их, все выкрикивали полусолдатские бессмысленные шутки, и все по каждому поводу дружно гроыхали смехом.

А к обеду все гости спустились в ресторанный зал. Хозяйка гостиницы, бывшая неотразимой лет тридцать назад, приветствовала нас завитыми локонами, стереотипными фразами и жёсткой улыбкой человека,

умеющего побеждать не только врагов, но и друзей. Но её последние затёртые фразы всё равно показались прекрасными для времени ожидания: «Дамы и господа, друзья! Мы надеемся, что, встречая Новый год у нас, вы будете счастливыми весь следующий год!» Все искренне аплодировали этим волшебным и лживым словам. Сегодня было 30 декабря, а завтра начинался день прощания и день встречи, день гротескового и немного надуманного, и слегка измученного веселья – 31 декабря. День фальшивой радости. Разве это праздник, когда ты за один день теряешь год жизни?

Когда все, весело болтая, набросились на салаты, в зал вошла женщина с девочкой лет пятнадцати. Обе они были красивы и у обеих были уставшие лица. Метрдотель подвёл их к столу. У девочки, как и у моего сына, были карие глаза, и, когда они проходили мимо нас, она внимательно посмотрела на мальчика.

С этого момента я знал, что они влюбятся друг в друга. И вспомнил, как когда-то сказал ему: «Влюбляйся поскорее, жизнь быстро проходит, как эхо выстрела, поэтому нет смысла жить без любви...» Тогда он у меня спросил: «А как же Бог, о любви которого ты так часто говоришь?»

– Бог и Его любовь – это навсегда, это как великий тёплый океан, но ещё есть любовь, попадающая в тебя через глаза, через жесты, через движение, через мгновенный взгляд, через усмешку на краю губ, через прикосновение рук и бормотание слов. И я не называю остальное... Божья любовь обязательно отражается в любви человеческой, если люди помнят, что они - творенья Божьи...

Тогда мальчик этим ответом удовлетворился.

Я увидел его с девочкой позже, на балконе. Их тоненькие фигурки прорезали ночь, будто вырезанные из чёрной бумаги ножницами художника. Мне показалось, что они держались за руки.

Люди в это время уже пребывали в расслабляющей нирване, которая захлёстывает их в беззаботные дни веселья. Пили и смеялись, без всякой любви. На закрученной винтом лестнице я столкнулся с её матерью, она задержала своё движение вниз, а я вверх. С неподдельной усталостью она сказала: «По-моему, я где-то раньше вас встречала...»

– Мне тоже кажется... Возможно, это было в Чикаго...

Мы оба дружно солгали. Она ждала продолжения, и я продолжил, но произнёс совсем другое:

– Давайте не будем мешать нашим детям, как когда-то взрослые мешали нам...

Она внимательно осмотрела мою пунцовую физиономию, а потом направила взгляд в глаза. Я поцеловал ей руку:

– Ради наших разбросанных по миру надежд, ради тех окриков, которыми нас одёргивали, ради всех плюшевых медвежат Америки, давайте не будем им мешать...

Она прикрыла довольно длинные ресницы и, изменившись до невозможности в сторону добра, прошептала:

– Пусть будет так...

Я смотрел в её уставшие от борьбы глаза, на морщинки, заявившиеся нежданно гостями, увидел, что она одна проходит дорогу смерти, которую называют жизнью, она одна прикрывает девочку, пожалел её, закрутил, ушёл и чуть не заплакал.

Мальчик вернулся под утро. Он закрыл глаза и мгновенно заснул. Мне казалось, что во сне он что-то шептал. А я смотрел на него и вспоминал то, о чём мы старались забыть...

Несколько лет тому назад мы проезжали золотолистную Пенсильванию, была осень, сезон охоты на оленей. Три положенных на это дня их могли убивать во всех пенсильванских лесах. Это был погром, убиение, жертвоприношение, которые совершали пресыщенные и убогие душой люди. По дорогам торжественно двигались машины, к крышам которых были привязаны убитые замшевые звери с печальными глазами. На нас отовсюду смотрели покрытые поволокой карие глаза. Лица водителей были счастливыми и гордыми, они победно озирались вокруг, дух неандертализма присутствовал в их взглядах. С некоторых крыш капала кровь. Иногда машины начинали гудеть, извещая мир о победах их владельцев. Эти звуки и лица напоминали мне кинохронику Второй мировой войны, в которой нацистские танкисты, высовываясь из люков, рассматривали занимаемые ими города. Сейчас же это была счастливая похоронная процессия, где все радовались и улыбались смерти. Машины двигались медленно, чтобы можно было спокойно рассмотреть их груз. Всё казалось галлюцинациями больного человека. Вспоминая об этом утром, я понял, почему мы с мальчиком никому не рассказываем об этом. Мы боимся, что слушателями будут равнодушные, глухие люди, не знающие, какого цвета олени глаза. Ходящие по слезам людей и оленей, словно по прибрежной кромке моря. А мы так не могли и часто засыпали под взглядом оленей глаз, смотрящих из темноты.

Перед рассветом я задремал, и ко мне во сне выплыла лесная поляна, на которой стоял отец-олень и его убитая, но в этом сне живая, дочь. И они разговаривали о чем-то. Громадные рога отца касались ветвей высоких деревьев, а дочь выставила вперед бархатную ногу с копытцем. Отец оглядывал её и нежно говорил:

– Ты была самой прекрасной в наших лесах, где все лишь на мгновение вступают в жизнь, а потом раздаются выстрелы и слышатся глухие удары: это мы падаем под пулями, попадаем под колёса машин...

– Эти мгновенья жизни вечны, они всегда движутся вокруг нас, а мы танцуем и кричим в их цветном хороводе...

– Почему нас и людей разделили...

– Нас лепили одни руки, но для разных целей... Люди живут дольше, а мы меньше... Но наши короткие дни – это начало вечных хороводов будущего...

– Всё равно страшно. Какая цель дана нам, оленям?

– Напоминать людям о смерти... Их умирает гораздо больше, чем нас... Они убивают друг друга. Они умирают миллионами... Но никто не хочет вспоминать и помнить об этом. Кто им напомнит? Нечитаемые ими книги или их Бог, преданный смерти на Голгофе? Которого и сейчас они постоянно предают...

– Дочь, я произнесу твоё имя, которое никто не знает, пусть теперь оно будет с тобой... Блессия... Тебя зовут Блессия... Вначале уходи ты, а потом уйду я...

И олени стали исчезать из сна, я открыл глаза и подошёл к окну. А за окном цвела и радовалась ярко накрашенная Флорида.

Вечером начинался бал, проводы Старого и встреча Нового года.

К 9 часам в зал стали стекаться гости. Две независимые американские старушки с высоко взбитыми седыми волосами пришли в серебряных платьях и с лорнетками в худых руках. Они чудесно символизировали Америку прошлого, взгляд на них заставлял вспомнить о

Санта Клаусе и старом джазе. Согласно традиции, все гости были нарядно одеты, даже те, кто весь год проходил в джинсах и футболках. Поэтому большинство девочек-подростков, надевшие сегодня платья, чувствовали себя непривычно, неуклюже передвигались, некрасиво ставили ноги, и, конечно, дико стесняясь, говорили из-за этого неестественно громко, и без причины хохотали. Многие женщины были в вечерних нарядах, а некоторые мужчины надели фраки. Мимо нас извивающейся походкой прошёл странный мужчина в дорогом дымчатом костюме. Он постоянно поворачивал любопытную острую бородку в разные стороны. Люди излучали радость. Неважно, была она искренней или фальшивой, а может быть, фальшь в эти часы была очень искренней. Главное, отовсюду излучалась радость. Скорее всего, люди радовались сами себе, они чувствовали себя приобщёнными к предстоящему таинству торжества. Эту радость, возможно, усиливали мысли: одна, печальная, о том, что прошёл ещё один год жизни, а вторая, победоносная, – я прошёл этот год, я прошла этот год, прошли, прошли, прошли! Я перешагиваю в Новый год, я остался в этой жизни, а другие из неё ушли. Слава тебе, милый Боже, что я остался!..

Сына с нами не было. Появилась мать девочки, тоже без дочки. Мы взмахнули руками, позвали её к столу, она подошла со своей чуть усталой улыбкой, села и взяла фужер белыми тонкими пальцами. Глаза её смотрели поверх людей и, может быть, поверх жизни. А вокруг нас люди шутили, смеялись и подбадривали друг друга. Вдруг у дверей появились наш мальчик и её девочка. Он был в синем костюме, не вполне отвисевшемся после дороги, в простой белой рубашке с расстегнутым воротом и, видимо, смешивших его туфлях, надетых вместо привычных сникерсов.

И та же, как при рождении, длинная шея, словно на портретах Модильяни. А вот на девочке было красное платье, почти бордовое, окантованное на шее белым воротом, а сверху – серьёзные блестящие каштановые глаза. Мальчик смотрел на неё тоже каштановыми глазами, но несколько удивлённо и растерянно. Девочка, в отличие от других подростков, чувствовала себя в платье уверенно. Они остановились у двери и стали рассматривать происходящее. Потом она медленно протянула руку к нему и вложила в его ладонь свою. Он медленно сжимал её ладонь, и они смотрели друг на друга. Каштановый свет сиял с обеих сторон. И сразу все поняли всё, даже те, кто ничего не понимал. Вдруг в зал полилась музыка, и атмосфера стала ещё более счастливой.

В 10 часов вечера все сели за столы и начали провожать старый год. Я чувствовал, что старый год не хотел уходить, из-за упрямства, из-за злости, хотя он устал и был пропитан потом задёрганных дней, нервных часов, крадущих время минут. А я успокаивал его, повторяя то, что уже много раз говорил: «Мы остаёмся живыми, если к нам приходит утро; и если приходит утро, значит, мы остались живы». И он недовольно слушал меня, спрятавшись за занавесью большого окна в центре зала. Люди поднимали бокалы и благодарили уходящий год, а он им не верил и продолжал зло улыбаться. Он, как и я, чувствовал, что в каждом человеке затаилась мысль: «А я жива, а я здоров, я пережил старый год, я иду дальше в новый год...»

Мальчик и девочка сидели рядом. Они были спокойны своим тайным спокойствием и почти ничего не ели. И в них бродили тихие мысли, и они послушно следовали за ними. А на лицах были одинаковые улыбки и глаза их смотрели одинаково. Потом они поднялись, девочка взяла его за руку, и они ушли. И мне показалось, что это уже не мой сын, а просто мальчик из чужой жизни. Я наклонился и спросил у матери девочки:

– Вам тоже кажется, что это не ваша дочь?

Она посмотрела им вслед:

– Нам всем иногда кажется, что это не наши дети...

Все продолжали быть наполнены предчувствием праздника, и скоро пришло время Нового года. К этому моменту старый год незаметно ушёл. Вытер руки о занавес, затравленно осмотрел зал и ушёл. Захлопали пробки от шампанского. Все ошалело и счастливо смотрели друг на друга. По телевизору показывали Таймс-сквер и ликующую нью-йоркскую толпу. Вместе с диктором толпа хором отсчитывала секунды до прихода Нового года: пять, четыре, три, два, один... Все бросились друг к другу: громко кричали, победно звенели бокалы, сочно шипели поцелуи, ржали и блеяли чужие голоса. Рассыпали конфетти, зажигали бенгальские огни, люди обнимали нас, а мы их. А толпа на экране стала одним кричащим, смеющимся, извивающимся радостным телом. Я тоже кричал и смеялся, и чувствовал на глазах беспомощные слёзы, и не сомневался, что никто их не заметит. И дух ушедшей оленихи был где-то рядом. Я даже посмотрел наверх, не наблюдает ли она за нами, а когда опустил голову, то увидел подошедших мальчика с девочкой. Они изумлённо смотрели на меня своими... вы знаете, какими глазами. И они оба обняли мою беспомощную физиономию, а потом обняли мать девочки и других людей возле нас. И к каждому они доверчиво прижимались, и каждому немного изумлённо смотрели в глаза. Мне стало больно, и я ушёл на балкон. Там ещё никого не было, поэтому я торопливо сказал её духу: «Я знаю, почему ты так посмотрела на нас перед смертью. Чтобы запомнить и вернуться к нам. Ты будешь жить с теми, кто увидел тебя такой, ну, изумлённой смертью. Ты будешь жить в глазах мальчика и девочки, хотя она тебя не видела, но он ей всю тебя передаст... Я что-то стал тонуть в мыслях... Никто оттуда не возвращается в свою прежнюю земную суть. А ты вернулась, забыл, как тебя зовут... И я прошу, ну, если сможешь, храни их... А если не сможешь там жить без того, кто тебя убил, тогда жди меня».

Я снова вернулся в зал, и там немного отяжелевшие люди продолжали хлопать меня по плечам, но уже без прежнего энтузиазма. И я просидел со всеми часа три. Старался, Господи, я так старался быть радостным и хорошим. А потом веселье вдруг быстро пошло на убыль, как бывает при последних секундах заката, когда уставшее солнце, словносложив крылья, стремительно падает за горизонт. Прошло ещё немного времени, и люди стали уходить, пили на прощанье и устало смеялись. Но, как всегда бывает, одна группа упорно продолжала веселиться. Это были молодые бизнесмены, они грузили в себя виски – загрузка трюмов шла серьёзная. Мать девочки сжала мне запястье и громко прошептала для всех: «Простите, устала... Должна вас покинуть...». И она торопливо ушла куда-то в глубину отеля, будто в ждущую её нишу одиночества. Ниша одинокого ожидания, есть ли такая ниша?

Скоро ушли и мы. В номере мальчика не было, он вернулся утром. Сквозь не полностью прикрытые ресницами глаза я видел его лицо, и видел, что он смотрел на ушедшую ночь со знакомым изумлением и незнакомой мне нежностью.

Был завтрак, поникший завтрак, который, вздрагивая ложечками, приходит после праздника. Мать девочки села возле меня, справа, и уже знакомо хрипло сказала: «Она спит...».

Её лицо осунулось, покрылось каким-то лаковым горячительным румянцем. Потом она посмотрела на скатерть возле своих рук и сказала для

меня, очень тихо: «Я боюсь ... всю жизнь боюсь... и теперь боюсь, и боюсь того, что будет завтра...». И мне стало жаль её и всех других, похожих на неё людей, и я тоже тихо ответил словами из Библии: «Не бойся, ибо Я с тобою». Она поняла, откуда эти слова, и вздрогнула. А я продолжал говорить свои красивые непонятности: «Надо бояться и надо любить. Может быть, плакать, но любить... Вы сотворили для них чудесную радость, и поэтому Он будет с вами... И поэтому не надо бояться...».

А потом все прощались. Прощание после праздников – это желание скрыть свою досаду от того, что праздник проскочил так быстро, и был вовсе не таким счастливым, каким ожидался. А я всегда повторяю, что самое ценное и лучшее в празднике – это ожидание его.

Мы заверяли друг друга, что созвонимся в течение недели, передавали приветы родителям, иногда не зная, живы ли они, с огромным трудом делали заинтересованные лица, и, конечно, продолжались прощальные похлопывания по плечам.

И все разъехались. Мы тоже уехали. Мне казалось, что в одной из грязных комнат гостиницы заперли Старый год. И он в костюме клоуна задумчиво смотрел на свой огромный бутафорский башмак.

И мы вернулись в наш почти кукольный городок. Вы знаете, в нём не было ни одного клоуна, представляете – ни одного! В нём жили тихие, но внимательные люди. Они замечали и запоминали всё: марки подъезжающих автомобилей, цвет кожи и блеск глаз каждого нового человека, рыжую шёрстку прошмыгнувшего котёнка, неглаженные брюки продавца, лица прогулявших школу детей, усталость на щеках полицейского. Видимо, и в нас они заметили новое, ухватили провинциальным бульдожьим чутьём. И как-то, ну, чуть по-другому, чем раньше, смотрели на нас с сыном. А мы с ним разговаривали редко – старались понять. «Понять» – высшая форма слова «сказать». Однажды мы взяли нашего йоркширского терьера и пошли в городской парк, стоявший над водой тихого озера. В нём отражались береговые деревья, прикованные к земле. Терьер упоённо скакал по траве, недалеко галдели и шелестели крыльями залетевшие сюда канадские гуси. Потом мы пошли к качелям на детской площадке. И я сказал сыну, как в детстве: «Покатай меня!» Он зашёл сзади качелей и стал раскачивать меня, амплитуда раскачки всё увеличивалась, небо приближалось и отдалялось, детский восторг охватывал меня, и я кричал: «Гойда!» И вспоминал, как много лет тому назад он, крошечный мальчик, раскачивал меня на качелях. Как он старался, как радовался, что он может это делать и у него хватает сил. Потом, счастливый и пьяный этим воспоминанием и сегодняшним счастьем, я соскочил на землю и стал раскачивать его. Теперь он летал к небу и обратно, и мы оба кричали: «Гойда!» Когда возвращались к машине, он сказал: «И она с нами кричала «гойда». Посмотрел, не отводя глаз, и добавил: «Та девочка». Я кивнул и подумал о ней так: «Продолжай оберегать его на этом минном поле, чтобы не зацепился он за цветок и не коснулся мины...».

По праздникам в нашем городке запускали ракеты, петарды и всякую другую громкую радость для одиноких и несчастных. А в этот день был какой-то праздник, не то в честь освобождения от кого-то, не то в честь приобретения чего-то. И весь вечер шла пальба. Мы смотрели в небо, где расцветали и умирали узоры придуманного счастья. Потом он, почти как в детстве, прижался ко мне и прошептал: «А я могу уехать к ней?» Я мысленно проклял себя и все законы нашего мира, поёжился и промямлил:

« Сейчас, вроде, не время...» Он поёжился в ответ и снова спросил: «Можно, она приедет к нам?»

Через две недели мать и девочка прилетели к нам. Дети касались друг друга головами, как олени. Потом она знакомо взяла его за руку, и они ушли.

В тот вечер я смотрел с веранды, как пульсировал красный шар солнца, а потом опустился в океан, я ждал шипения, но было тихо, как перед концом. В сумерках мать девочки сидела с женой на кухне и говорила о том, что плавильный котёл Америки начал давать сбои. Я вмешался одной фразой: «Выкипела из него вся живая вода...». А пульсирующее солнце уплывало по течению океана за горизонт. И я сказал несколько слов ему вдогонку и пообещал повторить эти слова мальчику.

Матери с девочкой постелили на веранде. А я среди ночи встал и видел, как дети сливались в тихих коротких поцелуях. А потом я подошёл к стулу и разгладил двумя руками оставленную им на стуле рубашку. И снова заснул. И опять стояли олень-отец, с подрагивающим огромным крупом и рогами, достающими высокие ветви, и она, как всегда выставив копытце и бежево и изумлённо глядя вдаль. И отец говорил: «Каждая косточка в нас находится на грани смерти. Смерть – это тихий ураган, уносящий всё живое. Он уносит кости, мышцы, мысли, обещания и надежды. Смерть обнимает нас, и вырваться невозможно, и совсем не хочется покидать самые ласковые объятия в этом мире. Скоро я уйду вслед за тобой, чувствую, как ко мне подкрадываются люди, и скоро она обнимет меня, как тебя. Если бы я знал, что попаду на ту же небесную поляну, где стоишь ты... Но ни люди, ни звери поляны не выбирают... Кто-то выбирает за них...»

Олень сна посмотрел на меня, и в это мгновение мне стало жарко и страшно. И олень сказал: «Ты тоже не знаешь своей поляны, а нам с тобой скоро туда уходить...»

Олень-отец заполнил сон, и сам сон стал оленем. Я проснулся и уже знал, что надолго мы с ним не расстались. И, хотя я невозможно сильно люблю вырезанную из ночи фигурку сына, всё равно я уйду от него на ту поляну. И в это утро я смотрел на всё и на всех по-особому, стараясь запомнить, простить, любить... Просто смотрел... Где-то был путь Познания, но он был далеко от меня, а всё другое было уже близко, оно меня окружило...

После этого сна, на всякий случай, я стал ежедневно звонить и писать верным и неверным друзьям, написал даже родственникам, злым и добрым, и даже одному из них, который был очень злым и хотел казаться очень добрым. Я писал, что все мы провинились, но я в первую очередь, и что в жизни всё может произойти и гораздо скорее, чем мы об этом думаем. И что, в принципе, я хочу извиниться, а, вообще, всё хорошо. И звёзды по ночам стали о чём-то намекать мне. А однажды вечером, так, чтобы никто не видел, я развесил на калитке синюю шаль и отошёл, и кто-то долго и внимательно смотрел на меня из-под развешенной шали.

И в тот же вечер, когда я развесил шаль, у меня был ещё один сон. Или не сон... Я сидел на веранде в кресле-качалке и смотрел на белую мучнистую луну. Она напомнила мне печального Пьеро, и я вспомнил старые строчки: *«Луна, как бледный лик Пьеро, Танцует грустно надо мною, Сегодня на меня нашло, Я что-то сделаю с собою...»*

Я долго на неё смотрел и вдруг стал говорить: «То, что мы называем «Богом», то, что внутри и вокруг нас, то, что везде и во всём, даже в эхо квакающих лягушек, то, что мы называем «Христом», Который принёс нам

гармонию в отношения между Творцом и творением, между Богом и человеком... будь сегодня со мной...»

И я увидел Его. Он ходил среди убитых оленей, а они смотрели на него коричневыми глазами с поволокой. Он касался их нежных носов, а они лизали на Его руках раны, откуда сочилась кровь. Я слышал, как Он говорил им странные нежные слова: «Сорито, реузы, стонуро». Когда Он проходил мимо них, они подымали на мгновение поникшие головы, а потом роняли их на светящуюся траву. И замирали... А я вроде не сидел в кресле, а шёл за Ним, и всё это видел близко, и их глаза, и Его глаза... Это были не глаза, а боль и любовь.

Мать и девочка гостили у нас неделю, а за день до отъезда мы повезли их в небольшой портовый городок Августино. Там был славный рестораник, стоял он на берегу хитрой реки Фоксривер*. Мы сидели на террасе, а Фоксривер лениво текла вниз, демонстрируя перекачивающиеся мышцы волн. Мать девочки сказала: «Иногда хочется всё одеть в бархат... в чёрный...» Она, как всегда, смотрела поверх всего. Мальчик посмотрел так же, поверх всего, и произнёс громко: «Скоро придёт ночь и всё оденет...» Девочка поднялась и встала позади матери. А жена моя сцепила пальцы рук, пальцы напряглись, и на одном из них напряглось кольцо с изумрудным камнем. Мы все прощались и не знали, как надолго. И мне стало казаться, что я их должен хорошо запомнить, потому что вот так, вместе, я их больше не увижу. И я всматривался в них, всматривался в фигуры, пальцы, особенно в глаза.

Прошло несколько дней, и однажды мы уехали с ним на речку, и стояли на мостике для рыбаков, и он постоянно закидывал удочку в равнодушную уплывающую воду. И вдруг сказал:

– Думаешь, и жизнь уплывёт точно так же?

И мне пришлось раскрыться и сказать ему больше, чем я хотел бы.

– Она, ну, жизнь, это не только реальное воплощение, это тени и призраки, приходящие и уходящие... Это и бой часов по твоей душе, по твоему сгоревшему однодневному полёту, который называли тоже жизнью. Это и картинка, застывшие в воздухе. Вот сейчас мы на мосту, и это проплывающая картинка жизни, скоро её не станет. Помнишь, в Мексике мы с тобой увидели обыкновенного мексиканца, возможно, не самого умного, но с гордо посаженной головой. Он шёл по тёплой улице, и посмотрел на смешную испачканную мексиканскую девочку, и так здорово, так чисто улыбнулся ей, и пошёл дальше. А мы с тобой замерли и ещё держали в себе и на себе чистоту этой улыбки. И с того мгновения, когда он улыбнулся, прошла целая жизнь.

Мальчик напряжённо слушал, потом легко добавил:

– И я про такое думаю, оно мелькает, мелькает... как мотылёк... и улетает. Но оно похоже на твои слова...

В этот момент он подсёк рыбу и, победно ёкнув, вытащил её. Рыбка провисла и извивалась на леске, он быстро и аккуратно снял её с крючка и забросил обратно в воду. И сказал, глядя ей вслед:

– Это я жизнь подсёк, и её уже нету... Жизнь после этого не выживет...

– А я знал хорошего русского поэта в американском университете, он был гей, но мне всё равно, и вот я вспомнил из его стихотворения строчки, они, как зёрна: *«Петух возвещает чуть свет, что ночь позади. Кукушка, что столько-то лет ещё впереди... Ты знаешь, есть птица одна, она не поёт: лишь время, как зёрна, неслышно клюёт...»*

– Я понимаю, – сказал он, – сегодня она склюёт этот день, хоть жалко его, но склюёт, и он исчезнет...

И мы поудобнее облокотились на перила моста и засмотрелись на утекающую воду. Мне казалось, что мы смотрим в одно и то же место, но это только казалось.

И я добавил к его словам мои, вот они:

– Не бывает счастливой жизни, бывают только счастливые дни. Вот потому я всегда твержу себе и другим, что каждый день, прожитый без душевной и физической боли, надо принимать как подарок от Бога, как праздник, который мы не заслужили...

И потом я пробормотал в сторону, чтобы он не слышал: «Но для меня подарки и праздники заканчиваются...».

Потом вспомнил, что прошлой ночью я начал молиться так:

– Всё, что находится вокруг меня и внутри меня, всё, что находится вокруг нас и внутри нас, всё, что вокруг всего и внутри всего, всё то, что создало жизнь и участвует в жизни этой, всё то, что мы называем Богом, говорю вам, как ваше творение: «Когда я уйду, не оставьте любимых моих, позаботьтесь... Спаси и сохрани...»

И стало очень жалко тех, о ком просил, и захотелось плакать, но я мысленно ухватил себя руками за горло и не дал слезам доплыть до глаз и пролиться на лицо.

А вчера утром мы стояли с ним возле нашего крыльца, такого знакомого крыльца, и под впечатлением ночной молитвы я вспомнил строчки Николая Гумилёва, расстрелянного большевиками поэта, мужа Анны Ахматовой: «Есть Бог, Есть мир – они живут вовек, А жизнь людей мгновенна и убога, Но всё в себя вмещает человек, который любит жизнь и верит в Бога...». Расстреляли его в 1920 году. Давно... Но смерть, наверное, никогда не бывает далеко. Далеко бывает только счастье.

А сейчас мальчик продолжал смотреть в воду и говорил воде и мне: «Мы никогда не избавимся от зла, мы можем избавляться только от жизни. Я очень хочу, чтобы ты успел дописать историю о девушке, в которую был влюблён парень, похожий на клоуна Пьеро, ты видел их, когда плыл на корабле в Пуэрто-Рико. Ты рассказывал о них, ему было больно... Так ты допиши, постарайся...».

Я его сейчас очень любил, и не выдержал, и провёл рукой по его тонкому загривку.

– Если не сделаю, ты на всякий случай эту историю запомни...

Теперь мне каждую ночь стали сниться олени. Они выходили из туманов и в них же исчезали. Отец-олень продолжал говорить с дочерью-оленихой и всегда касался рогами высоких веток, а она выставляла вперёд изящное копытце. Иногда я рассказывал об этом мальчику, а он повторял: «Значит, они не хотят уходить совсем, значит, им интересно играть с тобой». И он быстро касался пальцами моей щеки.

Однажды утром он смотрел в окно на двор, где бегала наша овчарка Герда. Овчарка задирала морду и с явным удовольствием вдыхала запах трав. Я стал рядом с мальчиком, и он примирительно сказал:

– Всё меняется в этой жизни, и мы меняемся, и я, и ты... Что-то у меня изменилось, и я начинаю забывать себя, каким я был... Там впереди, за этой травой и деревьями, мне мерещится эта девочка, и я хочу уйти к этим деревьям. Помнишь, у нас когда-то оторвалась гирька от смешных русских часов с кукушкой, и они остановились. И у меня оборвалась гирька, и я тоже остановился, и хотя я вас люблю, но должен пойти туда, за деревья и

траву, где кто-то стоит и ждёт. Ты сам говорил раньше, что нас по жизни ведут. И меня остановило и теперь ведёт... Оно было слабым раньше, а после оленей стало очень сильным...

Я слушал и смотрел, запоминая, и жизнь казалась коротким письмом, написанным наспех, и мне осталось только расписаться.

Прошло совсем немного времени, и я объявил всем, что отправляюсь на машине в Мичиган. В нашей семье редко задавали лишние вопросы, и поэтому все только вздохнули. Но как они смотрели на меня! Каждый по-своему... Нет, это было прекрасное смотрение, они смотрели на меня так, что даже если я хотел бы на них обижаться, то, ей-Богу, не смог. Перед моим отъездом, по русскому обычаю, все присели на стулья, это называлось «присесть на дорогу», ну, чтобы всё было хорошо. Он такой добрый, этот обычай, из далёкого языческого прошлого. Мы сели и смотрели друг на друга. Я заметил, что жена и мальчик продолжают быть похожими, у обоих небольшие мягкоовальные лица. А жили мы недалеко от вокзала. И в этот момент трубно закричал проезжающий поезд, а я подумал, что так кричат умирающие слоны, а мальчик смотрел на меня и понимал мои мысли.

Мичиган, это там я писал рассказ «Голос озера Мичиган», и мало кто его тогда понял. Я сел в машину и покатил в этот штат и к этому озеру, которое любил, и оно верно хранило мои слова и секреты, когда-то рассказанные ему. Я уезжал от любви и уезжал в любовь. Я уезжал из нереальной жизни в нереальную жизнь. Тишина начала наполнять тихим светом всё вокруг. И глаза мальчика продолжали смотреть на меня.

На одном из выездов я остановился возле придорожного ресторанчика. Какая-то крошечная девочка со сморщенной завитушкой носа махала всем веткой пальмы. Из соседней припаркованной машины смотрел маленький терьер. Он стоял на задних лапах и печально рассматривал меня чёрными переспелыми глазами. На лобовое стекло опустилась стая божьих коровок. Чёрные крапинки на красном внезапно сделали мир вокруг волшебным и осмысленным. В ресторанчике было шумно. За стойкой бара сидел пожилой водитель грузовика с могучими усами. Он потягивал кофе и, не отрываясь, вглядывался в висящую перед ним картину: на ней были изображены молящиеся в ресторане мать с сыном, на которых с огромным удивлением смотрит мужчина, похожий на этого водителя.

Я смотрел на каждого посетителя и всем улыбался. Некоторые отвечали удивлёнными или потревоженными взглядами. Но были и те, кто честно улыбался в ответ. Никто не догадывался, что я всех любил.

И я снова поехал в сторону великого и таинственного озера Мичиган, которое было живым мужественным великаном.

Я долго ехал и увидел, что ко мне приблизилась ночь, и на земле наступило время смены декораций. Убрали облака, дали торжественно уплыть закату и стали наполнять небо синим, а потом добавлять туда всё больше и больше чёрного. И потом на сцену бесшумно выплыла луна, и звёзды одна за другой открывали просветлённые глаза. Ночь убаюкивающей птицей опустилась на ветви деревьев и домов. Но я не останавливался, потому что великанское озеро призывало меня. Вдруг душе захотелось вспомнить что-то значительное из жизни, важное. А что такое «значительное»? Для кого оно?

И неожиданно выплыл день из детства. Я стоял возле своей школы, а рядом, на трамвайных рельсах, бился в кровавой пене, умирал злой и ничтожный парень. Он приходил к нам на переменах и отбирал у детей завтраки, перочинные ножики, всё бережно хранимое нами в те голодные и

страшные послевоенные годы. Он был старше самых старших, с красной физиономией и хитрыми свинными глазками. Его сопровождала орава маленьких и злых хихикающих подхалимов. Я не отдал ему зазубренный перочинный ножик, он стал выдирать его, и я впился зубами в его толстые пальцы. И получил тяжёлый удар по голове. Он во мне звенит до сих пор. И щербатая щель проговорила: «Я тебя, сявка, дерьмо жрать заставлю, я тебя изувечу на всю жизнь. Ты...». Он задрожал от ненависти и снова ударил меня. И сквозь свою кровь я вдруг увидел кровь на нём. И понял, что будет возмездие, и оно будет плохим и страшным.

Трамваи на повороте проезжали мимо нашей школы, и мы прыгивали с них на ходу. Тогда двери трамваев не закрывались, потому лихо прыгнуть с подножки устоять на ногах считалось большим форсом. И вот этот парень прыгнул неудачно, его ударил ехавший рядом грузовик и бросил под металлические колёса трамвая. Теперь он лежал на мостовой, из его рта пузырилась кровавая пена. Я подошёл близко: выкатившиеся из орбит глаза смотрели на меня удивлённо и жалко. И в этот момент во мне началась яростная схватка между Богом и дьяволом. Дьявол победно кричал: «Радуйся, он сдох!» Бог говорил: «Уходит плохое моё дитя... плохое, но тоже Моё». Дьявол цедил: «Он получил по заслугам. Мы отомстили!» Бог вздыхал: «Да, он был туп и противен вам. Но тоже был одиноким и несчастным, как все...» Я подошёл к лежащему, склонился над ним, хотел сказать «прости» и не сказал.

А теперь, спустя целую жизнь, я ехал к озеру Мичиган и вспомнил то утро возле школы, снова увидел того умирающего парня и совсем легко сказал ему: «Прости меня...» Замирающий звон слов коснулся барабанных перепонки, и я понял, что рядом был Бог.

Машин было немного. Сзади меня пристроился огромный синий грузовик. Лампочки вокруг его кабины высвечивались пунктиром, они казались намордником на большой рычащей морде. И, всё равно, всё вокруг казалось прекрасным.

Неожиданно меня стали наполнять голоса и картинки прошлого.

Я слышал любимый голос мамы. Она говорила: «Сыночек, мой сыночек...» И гладила меня, и мирила с жизнью. Потом я увидел себя с маленькой скрипкой, меня заставляли по три часа в день репетировать перед зеркалом. Мы жили на четвёртом этаже, однажды стало невыносимо, и я взобрался на подоконник, открыл окно, но увидел птицу, глядевшую мне прямо в глаза. У этой птицы был чуть искривленный клюв и человеческий взгляд. И я сполз с подоконника в комнату.

А потом... Был запах трав, и запах женщины, и познание всего немислимого.

Приплыли ямы Кавказа. И небо – чёрное, шёлковое. И на нём восточные глаза звёзд. И приговоренный к смерти человек произносит дрожащими губами: «Так куда же я потом полечу, к кому? А понимают ли там по-русски?»

А потом вернулось время, когда я ушёл из жизни. Четверо суток брожу по небу, а внизу, на земле, остаётся моё тело. Там, наверху, я вижу книги жизни и смерти, и изначальный свет бытия, я вижу людей, которые ждут меня в невероятно-хрустальных храмах, но Он возвращает душу в моё тело. Для чего Он меня вернул? Чтобы снова увидеть мёртвых оленей, застывших в поцелуе мальчика с девочкой, маленького терьера, стоящего на задних лапах и грустно глядящего на меня сквозь стекло машины.

Не знаю, но Твой жар, Господи, был на мне.

А потом всё ушло, и осталась только бегущая дорога, бегущая музыка из радио, да в зеркале заднего обзора горящая пасть бегущего за мной грузовика. Мне показалось, что ночь взглянула на дорогу и осталась довольна. И луна, ожидая новостей, примостилась на краю неба и поглядывала, приоткрывая мельхиоровое веко.

И скоро началось. На дорогу стало опускаться светло-дымчатое тело тумана. Он укладывался охалками, гроздьями. Десанты туманов останавливались над дорогой, пикировали, мягко приземлялись, бесшумно растекались и белозастывали. Некоторые машины тормозили и на выездах уходили со скоростной дороги. А мне было не до того, я мчался дальше, а за мной неотвратно двигалась оскаленная пасть грузовика. На одном участке дороги туман неожиданно исчез. Но я видел: через метров триста снова начинается белое марево. Я рассматривал его, как космонавт рассматривает из иллюминатора клубящуюся поверхность незнакомой планеты. Но там, где сейчас ехал я, было чисто и прозрачно. И в этой прозрачности я увидел знакомое тело оленя-великана. Он лежал головой к дороге, могучие рога продолжали тянуться к небу. Я выключил мотор и подошёл к нему. Огромное замшевое тело покрывала смертельная испарина. Мифологическая голова лежала между раскинутыми передними ногами. Я погладил шею. Ладонь наполнилась кровью. На шее были две пулевые раны. Его смертельно ранили в лесу, и он пришёл умирать у дороги. Он пришёл сюда, чтобы уронить тяжёлую голову между передними копытами и умереть, взглянув на силуэты людей, пронесшихся на машинах. И для того, чтобы его увидел я. Кровь густела, вязла на пальцах, на ладони, на тыльной стороне руки. Я сказал ему на прощание: «Ты был прав во сне, люди шли за тобой. Ты был прав, говоря, что скоро пойдёшь к дочери... Я знаю, как хочется тебе быть с ней на одной поляне. Но кто знает, на каких полянах мы будем стоять... Одно знаю: ты ушёл с земли и дополнил скорбь в моей душе...»

Я коснулся рогов, мёртвого, но ещё чуть тёплого лба и вернулся к машине. Позади её высилась громада грузовика, он тоже остановился. Шофёр в вязаной шапочке поглядывал сверху, из кабины, мне казалось, губы его шевелились. Я тронулся с места, и сразу за мной появилась сияющая кабина. Я подумал: «Нет вечной власти. Любая власть только на время. Только вечная сладкая власть у Него». Олень оставался перед глазами. Ну вот, сколько бы мы ни говорили слов на прощанье перед нашим полётом, самые главные из них остаются с нами... Потому что они рождаются только в последние мгновения, когда мы начинаем полёт. Иногда они бывают слышны, но чаще всего нет...

Я снова въехал в туман. Это было красиво и страшно: чёрное и белое вместе, туман касался и обволакивал чёрные сгустки наступающей ночи, как снег обволакивает уголь, как молоко обволакивает чёрный хлеб, как кто-то в белом обволакивает тёмную комнату.

Что же я забыл сказать в жизни? Что и кому... Может быть, самые любимые ничего не поняли и ничего не узнали? Когда я уйду, вот что будет. Тогда пропадёт смысл писать мне письма – меня не будет. Тогда бессмысленно звонить мне по телефону – я не отвечу. Ушёл от вас на своём повороте, не вписался в него. Я почти исчез. Как когда-то исчезали родители, друзья, какие-то родственники. Но останетесь вы, чьи повороты впереди. Снижайте скорость, дети... Наверное, и там можно помнить вас, но об этом тут никто не знает. Потому что оттуда голоса не доносятся.

Послышались звуки настраиваемых инструментов, и заиграл старый джаз. Золотым гудящим шмелем в машину вполз звук саксофона, ойкнула и забила в экстазе гитара, барабаны с рокотом приносили к алтарю чужие судьбы, и, как две опьяневшие старые девы, задыхались и пели гармоника с клавишными.

И под эти аккорды они вышли из тумана, их было двое, они шли как по облакам. Рога были старинными подсвечниками, с которых капал воск. «И воск слезами с ночника на платье капал...» Я стал кричать и тормозить. Оскаленная cabina поднялась надо мной и дохнула пожирающим огнём... Я видел, как, царственно ступая, олени навсегда уходят в лес. А там, между деревьями, стояла девочка в красном платье, мой мальчик бежал к ней, но вдруг повернулся к дороге, увидел всё и бросился ко мне. Я ещё был здесь, но чувствовал, что смерть подползла к моим ногам. И холод опутал ноги и стал подниматься выше. Мне не хотелось выглядеть трусом, мне хотелось сказать ей что-то важное, и я сказал: «Я не боюсь тебя...» И почувствовал, что смерть остановилась, прислушалась к моим словам, а потом снова поползла вверх. Оставалось только одно: чтобы мальчик успел добежать ко мне. Когда она тысячами холодных паучьих лапок стала касаться груди, надо мной склонилось его лицо, его прекрасное маленькое лицо, и на мохнатых ресницах была боль и прекрасные слёзы. И смерть остановилась, рассматривая нас. Он просто смотрел и прощался, а я шептал: «Я тебя люблю, но прощайся скорее, потому что тебя ждёт девочка в красном, а меня ждёт смерть. Я ухожу к оленям, живи долго и плачь редко, а я, может быть, попаду на поляну, где будут они... Живи долго, плачь редко...».

Она подступила к горлу и глазам, и я увидел кружащиеся поляны, кружащиеся родные лица, кружащегося себя. И всё прощалось со мной, и всё встречало меня... И я почувствовал два любимых запаха – запах скошенной травы и запах сгоревших листьев. И в медовом золоте этих запахов плыли слова: «Аминь! Да будет так!»